

Иван Шам

Эмансипация разума

История длиною в смерть

Иван Шам

**Эмансипация разума.
История длиною в смерть**

«Издательские решения»

Шам И.

Эмансипация разума. История длиною в смерть / И. Шам —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837903-1

Главный герой хочет покончить с прежней жизнью, но оказывается втянут в преступную деятельность. Он получает тяжелую травму, а вместе с ней и раздвоение личности, из-за чего на него открывают охоту полицейские и весь преступный мир. И в ходе этой криминальной войны происходит самая страшная трагедия в жизни главного героя. Теперь смыслом его существования становится поиск убийцы, лишившего его единственной надежды на спасение. Но не всегда палач оказывается простым человеком...

ISBN 978-5-44-837903-1

© Шам И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эмансипация разума История длиною в смерть

Иван Шам

© Иван Шам, 2017

ISBN 978-5-4483-7903-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Над тёмным городом натянулась мрачная туча, поедая свет, как голодный хищник, которого обрекли на вечные скитания среди безжизненных земель, жизнь которого – это вечная борьба за выживание среди таких же изгоев, как и он, из вен которого текли капли дождя, полностью осушая его. Когда солнце начинало жечь его кровь, она снова возвращалась к хищнику, не давая умереть ему и обрекая на вечные муки постоянной смерти, которая раз за разом не оставляла его. Капли падали на землю, скапливались и образовывали бесконечные воды, которые заполняли город и мешали жить обитателям его улиц.

И только он стоял на безлюдной улице, подняв лицо к небу, и наслаждался каждой каплей, упавшей на его лицо. Он был как всегда спокоен, но в нем играли чувства, и никто из нас не мог быть так счастлив, что бы ни произошло. Он был один в этом городе, никому не нужен, никто его не ждал, но ему это было и не надо.

Я тогда сидел в машине напротив того перекрестка, где он стоял. Сначала не обращал на него внимания, и просто ждал, когда пройдет этот дождь. На мне был новый дорогой пиджак, я откладывал деньги на эту покупку полгода. И только сегодня утром он попал в мои руки прямо с витрины магазина «Джорджи». Видно, я везунчик, так как это был последний экземпляр пиджака, на который я смотрел каждый раз, когда возвращался с работы, и в течение бесконечно долгого времени откладывал деньги, отказывая себе во всем, что необходимо каждому человеку. И если бы я сейчас вышел на улицу под дождь, то, кто знает, что бы с ним стало. Мои глаза понемногу стали опускаться, а сознание поплыло в неизвестность, как вдруг я как будто упал в пропасть и резко дёрнулся всем телом, ударившись об руль моей колымаги, которую при первом удобном случае я бы скинул с обрыва, но тогда бы мне пришлось сейчас сидеть под дождем, портя мой пиджак. И тогда я увидел его, стоящего у перекрёстка. Это было столь необычное явление для нашего пропитанного грязью города, в котором каждый человек был страшнее голодного зверя, готовящегося напасть на обвитуя страхом жертву, для того, чтобы насытить свою мёртвую обледенелую душу. Я сразу почувствовал в нём что-то, что не позволяло мне вновь закрыть глаза, что не давало мне снова окунуться в неизвестные глубины моего подсознания, столь непонятного и неподвластного.

Дождь не прекращал засыпать улицы кровавым жемчугом, разбивающимся об их загнанную, дрожащую от бессилия и возможности спастись от гнева неба, поверхность. Я ждал окончания этого бесконечного поединка, мне было наплевать, кто из них победит, мне было всё равно, что будет, когда, пленённая оковами голодных хищников небес, луна вновь скроется за горизонтом. Мне уже ничто не было важно. Я сидел, наблюдая за незнакомцем, стоящим у перекрёстка, и ждал того, как я думал, единственного выхода из моей проблемы, мешающей мне жить, не дающей мне наслаждаться закатом с женой, проблемой, разрушающей мою душу. Один лишь шаг отделял меня от вечного покоя, бесконечно недостающего в истории моей жизни.

Наблюдая за незнакомцем, я заметил, как в мою душу стало забираться спокойствие, разрывая на клочки давно терзающую меня боль. Волнения не было. Только невыносимая легкость наполняла меня. Страх, что еще недавно не давал мне сделать тот самый шаг, стал растворяться в неизвестности, оставляя место для придающей силы уверенности. Я понял, что ничто не может остановить меня. И ещё недавно не дающий мне выбраться из машины дождь, грозящий испортить мой новый пиджак, подарил мне новое чувство – чувство радости. Дождь был красив, а падение на землю его холодных посланников было схоже с моей участью.

Я знал, что другого выхода нет. Отступить уже бессмысленно. Моя рука потянулась к дверной автомобильной ручке. Крепко вцепившись в этот измученный долгой жизнью рычаг, я, полный уверенности, потянул за него, но дверь словно не хотела выпускать меня, пыталась

отговорить неудачника от этого поступка, не давала мне пути к свободе. Надо было уже давно избавиться от этого надоедливой хлама. Но после нескольких моих рывков ручка нехотя сдавалась. Дверь отворилась, еще проявляя попытки остановить меня своим упрямым, но недостаточно сильным сопротивлением.

Я чувствовал дождь каждым миллиметром кожи. Его капли проникали сквозь толстую ткань пиджака, намочшего под этим кровавым водопадом, осыпавшимся на него, словно набрасываясь на существо, не похожее на других. Моё лицо поднималось к небу, одолеваемое желанием почувствовать тот восторг, который наполнял человека на перекрестке. Как бы я хотел быть им, чтобы вот так стоять без сожаления и наслаждаться вещами, которые уже никто не замечает. В открытые глаза стали попадать капли воды, которые совсем недавно были частью неба, недостижимого и такого желанного. И чем дольше я стоял, смотря в небо, тем больше я набирался уверенности в предстоящем мне испытании. Я закрыл глаза и погрузился в свой идеальный внутренний мир, надеясь, что там смогу найти последнюю ниточку, за которую я мог схватиться, ниточку, которая бы дала мне стремление не делать то, на что я не мог решиться уже очень давно. Но мир был пуст, ни одного шороха не было заметно в пустыне его вселенной.

Оставив дверь машины открытой, я сделал первый шаг навстречу судьбе. Но в этот же миг я остановился, в последней надежде придумать выход из сложившейся ситуации. Но мой одурманенный гармонией дождя мозг видел лишь узкую дорогу, ведущую к тому самому мосту, который совсем скоро станет причастным к самому страшному греху, подаренному человечеству природой.

Шаг за шагом я приближался к единственным металлическим препятствиям между недолгим истощением моей брошенной души и вечным покоем, травившим умы мучеников, оставшихся умирать в отречении от изгнавшего их общества. И каждый шаг был легче, чем ему предшествующие, но всё равно все так же труден и мучителен. Я в последний раз обернулся, чтобы увидеть и запомнить последнего в моей жизни человека, которого я никогда не знал, но который стал для меня роднее всего. Хотя он и не знает о моем существовании и даже не подозревает, что тот единственный человек, для которого он стал что-то значить в этой жизни, вот-вот станет не больше, чем просто куском материи. Но мой наполненный небесными слезами взгляд увидел лишь пустой перекресток, одиноко ждущий следующего заблудившегося в бескрайних джунглях поработавшего людей города.

Край моста, страстно поджидающего ещё одного брошенного богом, забытого счастьем и удачей изгнанника, казался отсюда краем мира, последним рубежом между двух миров, бесконечно враждующих между собой за право стать единственным. Неизмеримая пустота виднелась за железной изгородью, служившей верным сторожем, не допускающим посягательств обитателей этого мира на неоспоримую пучину гармонии смерти другого. От одного вида этой манящей к себе пропасти у меня захватывало дух, заставляло задумываться о том, сколько же еще таких, как я, стояли на том краю, держались за того железного стража и смотрели вниз, смотрели прямо в глаза судьбе. Крик бушующей воды, наводящей на них ужас, был, как сладкая песня сирен, манящих к себе и не дающих ни единого шанса спастись.

Эти несколько шагов были самыми долгими в моей жизни. И каждый пройденный сантиметр был длиннее, чем что-либо, волновавшее мой разум и охватывающее сердце тесными объятиями, тяготившими или наоборот дававшими свободу и радость жизни. Ещё шаг и край моста окажется у моих ног. Последний вздох перед последней остановкой. Я забыл все, моя голова впервые за много лет была свободна и легка. А то, что сподвигло меня на это, растворилось в той самой ужасающей пучине, уничтожающей навязанные обществом идеи в отдавшихся ей умах.

Зачем-то я ещё раз обернулся в надежде увидеть перекресток, чью ненависть к людскому безразличию затмевала искра свободы и искренности того самого человека. Но он был пуст.

Я перелез через задремавшего металлического стража, чей сон не позволял ему остановить беженца из этого мира, искавшего спасения на краю моста. Моя дрожащая рука в страхе вцепилась за мостовое ограждение, которое еще недавно стояло между мной и шагом в бушующую пучину неизвестности. Теперь же между нами не было ничего, мы были почти одним целым, страстно впивающимся в объятия друг друга, не дающим надежду на излечение от этой удушающей разум зависимости. Мое сердце сжалось в ядовитом ожидании, которое я так жаждал продлить как можно дольше. Я смотрел вниз прямо в сердце непокорной стихии. Мои ноги стояли на земле как никогда твердо, а взгляд был как никогда решителен, но каждый раз, когда я начинал делать последний шаг, меня как будто било током и моя нога возвращалась на свое законное место у края обрыва.

Безжалостное дыхание бушующей пучины леденило душу, завораживало, опьяняло, и полностью подчиняло разум. Я был готов полностью отдаться ей, вверить свое тело и душу этому не знающему пощады монстру, чьи брызги били по лицу сильнее, чем слезы дождя, летящие от жалости к человеку, который вот-вот покинет этот дьявольский не дающий покоя его душе мир.

Нарастающий ступор стал наполнять мое тело, делая ноги ватными и кружа голову в диком танце, затмевающей взор, направленный в сердце смерти. Мой обострившийся слух уловил слабые шаги, доносившиеся за спиной. Но моё тело, парализованное в страхе перед стихией, не позволяло мне повернуться к человеку, возможно идущему ко мне, чтобы остановить сумасшедшего, стремящегося в мир иной. Я, рвущийся из своего тела на свободу, был уже в шаге от заветной конечной станции. Жажда слиться с пучиной одолевала меня, но мои ноги всё также оставались неподвластными мне, и все усилия сделать этот шаг пропадали в неизвестности, забирающей все надежды на спасение мученика, истосковавшегося по прохладе на дне бунтующего моря. Кровавые слезы небес ещё больше охлаждали моё обледенелое от переполняющего страха и волнения тело. Я чувствовал пульсацию вен, гонящих холодную кровь по моему не готовому к смерти телу. Ощущал, как мое лицо, среди этого непрекращающегося кровавого плача нежно ласкал еле заметный, норовящий отговорить от этого побега ветерок. Шаги, несущие лекарство от ран, все приближались ко мне, они были такие неторопливые, в них чувствовалось заражающее спокойствие, рвущее на куски одолевающее меня волнение. И каждый шаг был столь легок, беззаботен и твёрд, что мое одиночество ушло в неизвестном направлении, оставив меня наедине с тем, кто с каждым шагом приближался к моему неподвижному телу, готовящемуся к полёту туда, где теряют смысл все предрассудки, давящие на нас, не дающие просто наслаждаться простыми вещами, оставленными гнить от одиночества в людском равнодушии.

Но я всё же надеюсь, что этот мир, сделавший из меня раба, недолго сможет наслаждаться моими мучениями, терзающими каждый уголок моей уставшей, измученной, жаждущей покоя душе, которая тяжёлым грузом давит на меня, подталкивая вниз в недолгий свободный полёт.

В этом есть немного иронии. Ведь впервые надев пиджак, в котором я мечтал жить, моя сущность устремляется к смерти.

Лишь мгновение я мог наслаждаться тем чувством, когда чувствуешь себя дорожке, потому что на тебе надета по-настоящему дорогая, качественная вещь. Вот ты избавился от своего старого, надоевшего каждой затяжкой, дешёвого костюма и надеваешь новый, тот, на который ты копил, можно сказать, почти всю свою жизнь, и ты становишься другим человеком. Тебя наполняет уверенность, ты знаешь, что ты неотразим. И это наслаждение может прервать только ствол пистолета, приставленный к твоей щеке. И ты понимаешь, что ты всё так же беспомощен и бессмыслен, твоё тело лишь кусок материи, которым заполнен этот мир. В моём же случае вместо пистолета, приставленного к щеке, были несколько секунд свободного падения.

От волнения у меня начала кружиться голова. Я смотрел вниз, прямо в эпицентр ужасающего морского волнения, сотни лет тренировавшегося, разбивая на осколки когда-то нерушимые скалы, ради того, чтобы встретить сегодня своего гостя с распростёртыми объятиями, показать ему все своё мастерство и навсегда завладеть им, не дав ни единого шанса выбраться.

В тот момент, когда стоишь на краю пропасти в ожидании решения прыгнуть, когда твоя жизнь вот-вот будет принесена в бессмысленную жертву самообману, когда понимаешь, что все кончено – секунды, на которые ты никогда не обращал внимания, начинают казаться вечностью. Возможно, я стою на краю моста лишь пару мгновений, но в душе я стою тут уже почти всю жизнь. А шаги, принадлежавшие человеку, идущему ко мне, как будто замедляются, пока совсем не останавливаются, растворяя надежду на спасение в темноте ночи.

Мой пиджак уже мокрый насквозь. То, что совсем недавно стояло на прилавке элитного магазина, наблюдало за сотнями людей, чья судьба изначально была затоптана в грязь, забыта в куче всеобщего потока и брошена погибать в осознании того, что она лишь такая же бесполезная ноша, ничем не отличающаяся от миллиона других брошенных в грязь судеб; то, что совсем недавно было уникальным, чему была дарована высшая судьба, теперь это уникальное создание стало простой вещью, смотрящей вниз навстречу судьбе вместе со своим хозяином и ничем не отличающейся от тех людей, на которых ещё совсем недавно оно презрительно смотрело с прилавка элитного магазина.

Пульс замедляется, и я начинаю понемногу ощущать свои посиневшие от страха ноги. Я пытаюсь прислушаться в надежде снова услышать идущие ко мне шаги, но сквозь резко усилившийся плач дождя я потерпел очередную в своей жизни неудачу.

Я попытался сконцентрироваться, собрать разбежавшиеся от волнения мысли. Мои руки дрожали, вцепившись в задремавшего железного стража, и, наконец, после нескольких попыток, у меня получилось пошевелить недавно онемевшей стопой правой ноги.

Я уже собрался сделать шаг, как вдруг на мое плечо, словно лапа белого медведя, обрушилась чья-то уверенная, знающая жестокость этого мира рука; мои ноги, ослабевшие от недавнего обледенения, слегка подкосились под её тяжестью. Но резко дернувшись в испуге от этого внезапного нападения на мое плечо, я увидел лишь обычную мужскую кисть руки, которую я наблюдал, стоя в очередях, держась за перила автобуса, окуная в воде свои руки после прихода домой. Её казанки были сбиты, а кожа измучена тяжёлой работой в цеху или на фабрике, а может быть от беспощадных ударов, дробящих кость.

Заполнившее моё сердце одиночество оставило меня на время, дав моему измученному существу немного времени на пару глубоких вдохов, наполняющих мою грудь промокшим от небесного плача воздухом. Но вселив в меня обманчивую надежду, оно снова завладеет мной, поглотив приятную прохладу чистого разума и навсегда уничтожив мою исхудавшую надежду.

Мы единственные обитатели этого моста. Только для нас он существует сейчас. В нашем распоряжении каждый метр этих стальных гор, придающих ландшафту города слегка ужасающий, но, несомненно, притягательный вид.

Недавно на мгновение приросшая ко мне рука соскользнула с моего плеча, оставив на месте своего недавнего обитания лишь помятый след на моем пиджаке, который недавно и не подозревал о своей печальной судьбе. И миг моё одиночество было нагло нарушено, стоило лишь на минуту задремавшему стражу впустить в портал между двух миров еще одного беженца.

Мои надежды разбились на миллионы ускользающих в небытие песчинок, когда, как я думал, мой спаситель оказался со мной по одну сторону мостового ограждения, являющегося отправной точкой в другой неизведанный наукой Земных существ мир.

Каждая черта его измученного лица была мне до глубины сердца знакомой, казалось, что оно являлось частью меня, вырвавшейся из глубин моего разума, пригласившего меня на край

моста. Когда мой взор полностью охватил его излучающую легкость, но в то же время ищущую смерть между мостом и морем лицо, мои ноги снова стали ватные, неподвластные мне, а мир перевернулся для меня, навсегда поменяв противоположные, никогда не встречающиеся вместе полюса.

Я не верил своим глазам. Возможно, мой охваченный безумием и страхом мозг мне врёт, желая разыграть меня. Но это видение было столь реально, было такой же частью мира, как и я, стоящий рядом.

С каждой секундой, проведённой рядом с ним, я всё больше убеждался в реальности этого недавно вселявшего мне надежду существа. Ведь это он, человек, стоящий на том перекрестке, являющийся центром гармонии этого мира. Даже сейчас, стоя на краю жизни, он не перестаёт излучать те породившие в моей душе надежду на спасение чувства. Но теперь, находясь в паре дюймов от него, я заметил всю тяжесть, уничтожающую его душу. Под личиной любви зарождалось безграничное отчаяние и ненависть, терзающая и оградившая его от простого мира.

Мы молча смотрели друг на друга, словно пытаюсь проникнуться в наш мир, отравивший каждого из нас.

Я не знал, что сказать, и он, видимо, тоже.

– Что ты здесь делаешь? – растеряно вырвалось из моих уст. Это было первое, что пришло мне в голову.

– Видимо, то же, что и ты, – его голос был спокоен и ровен, но в нем чувствовалась вырывающаяся из недр души ненависть ко всему.

Мы оба посмотрели вперёд, наверное, надеясь увидеть вдали прорывающийся сквозь тучи луч света.

– Почему ты здесь? – спросил меня он. – Ведь в мире есть много вещей, которые можно делать сейчас, но ты выбрал именно это.

Секундное молчание, необходимое мне для того, чтобы собраться с мыслями, нарушал лишь грохот дождя.

– Видимо, для меня только это и осталось...

Мы были мертвы, но все ещё живы. Не имели души, но все ещё чувствовали. Наше существование подходило к концу. В осознании этого мы были легки, нас не тяготил тот факт, что мы видимся впервые. Мне казалось, что я могу рассказать ему всю мою жизнь, но он словно и сам всё знал обо мне. Мы говорили с ним. Возможно, что наш диалог продолжался пару минут, а, может, и несколько часов.

– ... а хочешь знать, почему я на самом деле теперь стою сейчас здесь? – внезапно посреди продолжительной беседы спросил я.

На лице человека появилась чуть заметная ухмылка, а его слова прозвучали легко, но в то же время твёрдо:

– Нет! Поверь, никому нет дела до того, что подтолкнуло тебя на это преступление против природы. Каждого заботит только он сам.

Я был слегка растерян, но не почувствовал обиды от его слов.

– А почему ты здесь? – спросил я, но мои надежды получить ответ не оправдались. На его лице все так же играла еле заметная улыбка, хотя, на одну секунду, я заметил, как каждая мышца его неприступного лица лихорадочно дернулась, стоило ему лишь на мгновение вспомнить о том, что подтолкнуло его прийти в эту проклятую ночь на край моста.

– Знаешь, – неожиданно прошептал он. – Я не могу понять... Мы всю жизнь чего-то пытаемся добиться. Сначала полжизни тратим на то, чтобы получить достойное образование. Потом тратим то, что от нас осталось после завершения учебы, работой на кого-то, кому на нас наплевать, чтобы оплатить налоги, которые вместо того, чтобы идти во благо, попадают в чей-то карман. Делаем всю жизнь одно и то же, наш день кем-то расписан по минутам. И...

Его речь резко прервалась, уступив душераздирающему грохоту, сопровождающему ослепляющие взрывы молний.

– И?

– Я хотел сказать... Мы всю жизнь пытаемся добиться большего, но зачем... Человеку отведено не более ста лет. Это же так мало. Зачем тратить это время впустую? Зачем это всё, если все равно смерть уничтожит то, что ты так долго добивался?

– И ты решил сократить это время, так как твоя жизнь уже потрачена? – стараясь перекричать дождь, недоумевающе спросил я.

Я так и не получил ответа. И хотя он ничего не рассказал о себе, но я понимал, что в его жизни произошло что-то куда более ужасное, чем в моей, что не дает ему покоя, то единственное, что может оправдать его поступок. Его лицо помрачнело, поддаваясь выплескивающемуся через край душевному терзанию.

Его взгляд, еще недавно светящийся от счастья, вмиг окаменел, выстраивая непреодолимую преграду между мной и его изуродованной душой. Даже теперь, стоя на краю, он не хотел открыться для других, боль подпитывала его изнутри, одновременно уничтожая последнюю ниточку, связывающую его с реальным миром. Но даже сквозь эту каменную защиту из его глаз, жадно цепляясь за свободу, в этот мир протиснулась слеза, еле отличимая среди капель дождя, оплакивающего две потерянные сущности.

Он поднял взгляд, словно надеясь увидеть слабый луч света, прорывающийся сквозь захватившие просторы неба тучи.

– Что может нас спасти сегодня... – вздохнув, вдруг произнес он.

Не зная, что ответить, я просто смотрел на него, не говоря ни слова.

Глубоко вздохнув, он вытащил из кармана красную пачку сигарет, название которых размылось и не позволяло прочитать его. Засунув сигарету в рот, он достал из кармана куртки зажигалку, на которой была вырезана какая-то надпись. Но промокшая сигарета не желала загораться, оставляя своего владельца без её дыма.

Человек на секунду замер, пытаясь что-то обдумать. На его лице появилась довольная улыбка, а голос стал легок и мягок:

– В новой жизни все будет по-другому! Вот увидишь.

Он отдал мне промокшую насквозь пачку сигарет, предварительно засунув в нее зажигалку.

– Ну, а мне пора.

Он еще раз улыбнулся, посмотрев мне в глаза, вновь наполнившись той неизмеримой радостью, что переполняла его в минуты, когда он был единственным настоящим существом, стоящим на перекрестке двух улиц, никогда раньше не знавших настоящих человеческих чувств. И его руки, освободив из своих объятий задремавшего стража, дали свободу телу, незамедлительно устремившемуся в самое сердце бушующей пропасти, переправляющей человеческие души на тот свет и ничего не требовавшей взамен. Возможно, теперь, забыв о том, что сподвигло его на этот шаг, он по-настоящему рад тому, что обрел бесценный дар вечного покоя, теперь уж полностью и безвозвратно поглотившего его истосковавшийся по свободе разум.

Стоя на краю моста, я наблюдал за тем, как тело единственного в этом мире настоящего человека падает с моста прямо в бушующую пропасть, постепенно приближаясь к нему, словно притягиваясь к желанному, пока совсем не отдавшись соблазну, полностью становится частью её.

На момент даровавшее мне чувство страха перед осознанием того, что одно неосторожное движение может забрать мою душу, головокружение заставило меня оторвать полностью пристывший к морской ряби взгляд и перелезть на другую часть моста по ту сторону впустившего меня сюда ограждения. Теперь я жаждал жизни.

Недавно застывшее в ожидании заветного шага время вновь набирало обороты, продолжая, как и прежде, уносить с собой те драгоценные секунды, которыми так дорожат и в то же время ненавидят до последнего вздоха заблудившиеся среди каменных домов люди. И каждый момент этого неустойчивого времени отмечался на асфальте рокового моста каплей дождя, упавшей с плачущих благодаря человеческому существу небес. Эти капли, соединяясь воедино, сбегали вниз по дороге, образуя нескончаемый несущийся в бездушный город потоп, надеющийся смыть ту затмевающую разум и сердце оболочку.

Я вновь стоял и смотрел вниз. Я снова и снова видел, как падает один и тот же человек. Снова наблюдая за его воссоединением со стихией и безвозвратным уходом.

Вот так моментально у человека можно отнять жизнь. Много лет было потрачено на то, чтобы сделать его взрослым, его учили, любили, он был кому-то нужен, у него была семья. И все чего он добился, все, что он пережил, вот так просто превратилось в пыль. Но что-то его подтолкнуло на это. Что-то заставило его прийти в дождливую ночь на край моста. И стоило ли вообще это делать? Разве нельзя было решить проблему? Ведь не бывает ситуаций, ниточку к выходу из которых нельзя найти. И вообще, может быть, все было не так уж плохо.

Возможно, сегодня я впервые в жизни сам решил свою судьбу. Всю жизнь за меня это делал кто-то, кто даже не знал о моем существовании, как, впрочем, и я о его. Во мне полыхали эмоции, в этом диком бушующем порыве, который своим сумасшествием затмил разгулявшуюся под мостом стихию. Мой мозг снова заработал на полную катушку, которая дремала во мне с тех пор, как я попал в этот мир. Я чувствовал себя иначе. Это было так странно и в то же время восхитительно. Впервые в жизни я почувствовал, что реально живу.

Мы ведь оба оказались здесь, потому что так велит что-то, о чем мы не знаем, но оно уже сформировалось и навсегда укрепилось в этом мире. Это какая-то система, управляющая нами, говорящая нам, что делать, что любить, а что ненавидеть. Мы ведь действуем по общепринятым нормам. Нас окружают стереотипы, правила, ярлыки. Мы совсем забыли, кто мы на самом деле, живем так, как нам сказали. Нас заверили, не напрямую, конечно, что дела обстоят плохо, и вот мы очутились на краю моста, с промокшей пачкой сигарет в руке, в которой лежит зажигалка с вырезанной на ней какой-то надписью, и верой в то, что других путей нет.

В мою голову пулеметной очередью стали приходиться непровержимые выводы.

Мы свободны, но до тех пор, пока не скажем своё первое слово «Мама». Но после... Нас делают рабами. Ты только научился ходить, а тебе уже начинают навязывать определенную идеологию. В школе нам говорят, что нужно внести свой вклад в общество, программируя нас на то, что нашей высшей целью является служение обществу и любовь к государству. И мы считаем, что мы не такие как все, но на самом деле... Мы сделаны под один шаблон.

Человек сам загнал себя в этот угол. Он сам придумал эту систему. Сам лишил себя жизни и индивидуальности.

Человек – это всего лишь животное, точно такое же, как и любое другое существо. Нас вообще не должно было появиться на свет. Мы – всего лишь случайная цепочка не менее случайных событий.

Когда мое время не было занято, я любил смотреть научные каналы. Усваивая для себя интересные факты, хотя, возможно, и они не являлись подлинными.

Изначально Земля была безжизненной планетой, не способной породить жизнь. Она была пуста, ни капли воды. А космос влюбленно обволакивал её поверхность, не желая отпускать. Но случайно врезавшийся в неё ледяной метеорит, растаяв, принес сюда до сих пор до конца не известную человечеству воду, которая увеличила массу Земли, впоследствии образовав первичную атмосферу. Воды из-за сильного притяжения Луны бушевали, создавая непостижимый человеческому воображению размер стихии. Но Луна постепенно отдалялась, волны утихли, и только теперь могла зародиться первая жизнь. Не помню всего, но, если бы что-то из этого не произошло, нас бы сейчас не было.

Зародилась жизнь, которую взяла под свою защиту эволюция, в процессе которой у животных появились необходимые для выживания способности и органы: у зайцев – мощные задние лапы, у орлов – идеальное зрение, у волка – клыки, а человеку достался интеллект, назначение которого он сильно извратил.

С одной стороны, все, что делает человек, это не естественно, ведь оно было создано не природой, а людскими руками. Но, с другой стороны, природа заложила в нас способность на создание этого «неестественного». Ведь всё, что делают животные, естественно, так как этому научила их природа. Так почему то, что человек разрушает её, должно быть неестественным?

Волк убьёт зайца, и это в порядке вещей. Человек убьёт лису или медведя – и это тоже нормально. Но почему же, если человек убивает человека, то это преступление против природы? Потому, что нам так сказали.

Теперь я возненавидел общество, возненавидел тех, кто им управляет с их же позволения. Люди, старающиеся показать своё превосходство, гонящиеся за деньгами, мечтающие о материальных благах, стремящиеся стать звездами, фотографирующие себя в зеркало, сидящие в интернете, считающие себя не такими, как все... Все стали для меня ненавистными рабами системы, лишившей их человеческого облика.

Может быть, вся история, которой нас обучали – всего лишь сказка, придуманная для ещё большего программирования людей, воспитания бессмысленного патриотизма, убеждающего душу человека, что он обязан государству жизнью, отдавая этот долг на войне или неся другую непосильную ношу. Если бы все отказались выходить на поле боя, то этой идиотской войны бы и не было. Нас окружает тоталитаризм, скрытый от людских глаз и замаскированный под то, что мы называем свободой.

Мне нужно успокоиться...

***

Свет фонаря, стоящего через дорогу, тянулся в комнату, едва освещая разбросанные на полу старые газеты, стопку которых я, случайно задев, уронил на пол. Табачный дым, плавно скользя в пространстве, наполнял небольшую, давно не мытую комнату белой пеленой, нежно растворяющей в себе попадавший в неё луч света. Изредка стряхивая пепел, я сидел в старом кожаном кресле, чьё появление в этой квартире уже давно ушло из воспоминаний, не оставив о себе никакой зацепки. Находясь в тени, этот кожаный трон спас меня от попадания лучей уличного фонаря на мое промокшее под плачем небес тело.

Я был недвижим, застывший взгляд потерялся где-то в эпицентре клубящегося потока, плавно вытекающего из белоснежной бумажной трубки. И каждый раз, стряхивая на пол серый пепел, я все больше растворялся в этом тумане. Дорогой пиджак лежал на полу возле кресла, верно ожидая того момента, когда он снова, поднявшись с пола, будет согревать меня, смирившись со своей печальной участью.

И куда бы я ни посмотрел, везде я видел одну лишь систему, уже давно сделавшую из людей поставленный на конвейер продукт общего потребления, так или иначе ставший непреодолимой преградой на пути к освобождению разума. Становиться частью этого конвейера было равносильно самоубийству. А единственный способ стать свободным от неё – лоботомия, разрезающая ткани, соединяющие лобные доли мозга с его остальной частью. Система не может завладеть тобой, если ты бездумным овощ, чьей жизненной целью является безостановочное созерцание стены, ограждающей тебя от таких же свободных людей, как и ты.

Сигарета догорала, осыпаясь на новенький пиджак, закапывая его в душной темной могиле, в которой моя душа с каждым днем все больше разрывалась на части, не желая принимать реальность, поглощавшую её.

Я не могу больше здесь оставаться. Сладкий воздух свободы манил меня, совращая своей девственной, не тронутой человеком природой. Я больше не видел смысла оставаться здесь.

Обычно в это время по телевизору идут новости, которые я смотрел каждый день перед работой. Скорей всего, сейчас там показывают очередные государственные страсти, смысла в которых было не больше, чем в самом телевизоре, уничтожающем мозг молодых людей, делающий их неспособными увидеть реальную картину мира. Нас изначально готовят быть рабами, подчиняющимися одному существу, понявшему всю никчемность нашего существования и вовремя принявшему необходимые меры, чтобы заполучить нашу жизнь. Теперь для меня идеальным обществом стало то, которое покинуло нас много тысячелетий назад. Общество, в котором человек был един с природой, целью существования которого было лишь стремление выжить, а единственным оружием была палка.

Мы тратим полжизни, чтобы получить образование, которое позволит обеспечить счастливое будущее. Но для самого счастливого будущего у нас остается слишком мало времени, если его вообще можно так назвать.

Лезвие машинки для стрижки волос начисто срезает с моей головы всё, что раньше казалось значительным. Стоя перед грязным, замыленным зеркалом в своей ванной, я наблюдаю, как куски волос падают на чёрную потрескавшуюся плитку, сливаясь с этим мёртвым фоном. Голова становится почти гладкой, имея только чёрную тонкую прослойку волос. Нет смысла ухаживать за своей внешностью.

Нужно быть человеком, реально существующим.

Лишь попав на необитаемый остров, человек получает шанс стать настоящим, он теперь одинок, а смысл его существования тот же, что был у наших предков, живших много тысяч лет назад. На острове система, ещё недавно убеждающая его, что его жизнь много значит, попользовавшись им на своей территории, бросает его одного. Теперь он ей не нужен.

В своей жизни я мало интересовался географией, хотя в школе хорошо учился, и поэтому те земли, забыться в которых я так жаждал, оставались тайной для меня, не желавшей открыться. Но теперь я был готов отправиться на поиск, навсегда освободившись от жестокой паутины, завладевшей миром.

В телефонной трубке раздавались вгонявшие в депрессию гудки, поедавшие изнутри и без того разрушенную нервную систему моего организма.

Если уехать из страны, система тебя не достанет. Нужно уехать на острова, где нет капитализма, и тогда ты будешь свободен, но не стоит забывать, что она уже живет в тебе, надежно вцепившись своими стальными корнями в твои охваченные смертельной зависимостью легкие.

Из телефона послышался приятный женский голос, говорящий о том, что человек, которому я звоню, не может подойти к телефону, или его вообще нет дома. Проигнорировав её просьбу оставить сообщение после короткого сигнала, я положил трубку, тут же перезвонив ещё раз.

На мосту должен был умереть один человек, чье существование лишь засоряет мир. И так получилось, что стихия забрала себе такого человека. Сегодня тот, кто жил во мне, умер. Бросился вниз. Я погиб, осталась лишь оболочка. А оболочка не боится смерти, не нуждается в популярности или богатстве, не стремится стать лучше других.

Наконец, из телефонной трубки, нарушив нескончаемое монотонное пиликание, донесся сонный мужской голос:

– Ало...

– Ало. Привет, Томи. Ты узнал меня?

– Э-э, Тот факт, что ты только что разбудил меня, не означает, что я тебя не узнаю, чертов ты засранец, – уже более радостным голосом произнес он привычное для нас приветствие. – Неужели тебе стало скучно, и ты решил позвонить мне, поболтать?

Чтобы уехать отсюда, мне нужно было преодолеть последнее испытание, подготовленное мне системой. Мне нужны были деньги.

– Помнишь, ты предлагал мне поработать с тобой?

– Было дело.

– В общем... У тебя ещё найдется для меня работенка?

– О-о, вот это другой разговор! И, знаешь, что? Ты даже не представляешь, насколько вовремя ты мне позвонил!

Глава 2

Рассвет уже всюду гулял по ещё сонному городу, заглядывая в окна порабощенных системой людей, нехотя поднимавшихся с постели, чтобы в очередной раз пройти один и тот же день, который будет повторяться всю их жизнь.

Мне только что принесли чашку кофе, приготовленного из самых дешевых кофейных зерен, не приносящих человеку ничего, кроме проблем со здоровьем, и все это ради получения незначительной выгоды. Два кусочка спрессованного сахара входили в комплект к напитку, чтобы замаскировать его плохой вкус. Медленно помешивая смесь в этом небольшом стакане, я смотрел на улицу через окно небольшого кафе, всматриваясь вдаль в надежде увидеть сонно идущего в мою сторону Тома.

Теперь небо было ясное, ни одного белого пятна не присутствовало на его освещаемой утренним солнцем глади. Лужи от ночного дождя ещё красовались на асфальте, который беспощадно втаптывали идущие на работу недавно пробудившиеся ото сна люди. Деревья стояли недвижимые, не тронутые запоздавшим сегодня легким ветром.

Я спокойно сидел на диване, выполненном в стиле барокко, перед столиком, с первого взгляда, сделанного из красного дерева, но, если присмотреться, можно заметить небольшие срезы, которые по своей окраске сильно отличались от красного цвета, напоминая о том, что ты сидишь в дешевой забегаловке, всеми силами пытающейся увеличить свою стоимость в глазах посетителей, в которой вместо кофе подают что-то отдаленно на него похожее.

Единственная официантка мелькала между столиками, недовольно поворачиваясь, когда чей-нибудь очередной зов неохотно произносил вслух её должность или просьбу подойти, к которой крепилось слово «пожалуйста», произносимое с какой-то долей скрытого отвращения к самому себе.

Вдали появился темный силуэт, медленно, но уверенно идущий сюда. Мы договорились встретиться здесь сегодня, чтобы обсудить грядущее дело. Я знал, что, скорее всего, Том предложит мне что-нибудь не совсем законное, но зато хорошо оплачиваемое. Этих денег как раз должно было хватить. Да и закон меня больше как-то не волновал.

Ночь была длинна, но не было ни единой секунды, когда мои глаза были закрыты, а разум уходил в небытие. Все это время, до прихода в это кафе, я обдумывал то, что произошло.

Спокойствие и в то же время дикое отвращение переполняли меня. Заполняя всё глубже, они заставляли меня задуматься: правильно ли я сделал, что отсрочил свою смерть там на мосту? Может, стоило вместе с тем человеком придаться грандиозному освобождению, отпустив, наконец, себя, тем самым перестав разрывать на части свою душу? И зачем я только появился на свет? Подарить жизнь новому существу было бы столь же бесчеловечным, как и дразнить пожизненного заключенного свободой.

На момент задумавшись, я не заметил, как соседний диван перед кофейным столиком поселил на себе только что пришедшего Тома. Неожиданно появившаяся перед моими глазами фигура заставила меня выйти из состояния транса и резко вздрогнуть, слегка подтолкнув наполненную кофейную чашку, чьё содержимое незамедлительно слегка выплеснулось на красную поверхность стола.

– Какие люди! – Не успев усесться удобней, радостным тоном произнес он, протянув мне загорелую руку, на которой красовались дорогое кольцо с большим камнем кроваво-оранжевого цвета, напоминающим топаз.

Я заметил, что его изумленный взгляд остановился на моей голове.

– Ты подстригся, – с лёгкой издевательской ноткой в голосе прокомментировал он.

Протянув руку в ответ, я заметил на его кольце какую-то надпись маленького размера, но, отражая свет, она не позволяла мне её прочесть.

Легкая ухмылка, заявляющая о полной самоуверенности её владельца, украшала лицо Тома. Подпитанная легким загаром кожа блестела, отражая от себя утренний солнечный свет. Нет ни единого намека на его безысходность. Полностью пропитанный системой человек, считающий, что достиг вершины мира или ещё нет, но упорно и верно идущий к ней. Его слегка прищуренный взгляд старался намекнуть на какую-то тайну, на некое превосходство, что на самом деле, если присмотреться, было лишь фальшивой фишкой, маскирующей полную пустоту внутри него. Ещё вчера утром я бы смотрел на этого человека с восхищением, ставя его на место своего идеала, к которому нужно стремиться. Но теперь это все вызывало у меня лишь легкое недоумение и слегка нагревающую меня ненависть. Теперь этот человек, когда-то являвшийся мне самым близким человеком, стал не больше, чем машиной, запрограммированной на выполнение определенной функции, никогда не знавшей истинной свободы.

– Я закажу себе эспрессо. Здесь просто замечательно варят кофе. Ради него я готов каждый день подниматься с постели в такую рань, – не успев раскрыть меню, громко и уверенно сказал он. – Официантка!

– Давно не виделись.

– Да, есть такое. Я прям удивлен! Вот что-то, но я точно не ожидал твоего звонка в такое время. С чего это ты вдруг решился? Раньше же, помню, и меня от этого отговаривал, мол, делать мне нечего. Официантка! Можно вас, пожалуйста!

Он, резко приподняв руку вверх, пытаясь привлечь ту девушку, оглянулся по сторонам, но, никого не увидев, снова повернулся ко мне.

– И вообще! Где ты пропадал? Я тебя, наверное, с месяц не видел.

– Мне просто нужно было время...

Его взгляд, прежде излучающий радость, сменился легкой встревоженностью и предельным вниманием ко мне.

– Ты как-то изменился. Теперь рядом с тобой я почувствовал себя как-то по-другому. Это так странно. Не знаю, что произошло, но я все же чертовски рад тебя видеть!

– Я тоже рад. Да. Теперь я другой, и у меня нет никакого желания становиться прежним, – с какой-то внутренней гордостью произнес я.

Зачем этот разговор? Зачем другим знать, что что-то изменилось? Лучше пусть думают, что все по-старому. Пускай они остаются в том сладком прошлом, не отпускающем их из своих объятий и не дающем познать настоящее. В этом нет смысла. Это лишь человеческие проблемы.

– Хотя, знаешь, может я просто устал.

Зачем открываться для других? Пускай они думают, что я все тот же человек, которого они знали.

– Понятно, – вздохнув, прошепелявил Том. – А-э, девушка!

Вконец, отчаявшись привлечь внимание официантки, он со всей силы кинул папку с какими-то бумагами на стол так, что грохот от этого удара мгновенно разлетелся по всему кафе, застав врасплох мирно употребляющих свой утренний кофе посетителей, в нервной судороге дернувшихся в поисках источника этого ударившего по их барабанным перепонкам звука. Мертвая тишина повисла над заведением.

– Простите! Можно вас, пожалуйста, – улыбнувшись, сказал Том растерянной официантке.

– Эм-м... Я... О чем мы говорили? Из головы вылетело.

– Ты, вроде, хотел поработать со мной.

– Ах да.

– А в каком смысле ты устал? Когда устают, то стараются отдыхать, а не звонить старым друзьям по поводу работы.

– Я просто...

– Что будете заказывать? – прервала наш диалог только что подошедшая официантка. Она явно была недовольна выходкой моего друга, поэтому в её голосе ярко просвечивала обиженно-злая нота.

– Мне, пожалуйста, эспрессо. Один. И два кусочка сахара. Спасибо, – его улыбка была слегка натянута, хотя создалось впечатление, что его забавляли чувства по отношению к нему этой девушки.

– А вы что-нибудь будете? – обратилась она ко мне.

– Нет, – помотал головой я.

Когда официантка ушла, я обнаружил, что то, о чём я хотел сказать ровно минуту назад, снова вылетело у меня из головы.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что работа, о которой мы пришли поговорить, рискованная и, мягко говоря, не законная.

– Да, – без единой эмоции твердо ответил я.

Том откинулся на спинку дивана. И, сделав удивленное выражение лица, заявил:

– Я поражен! Ну, тогда сразу к делу.

Он раскрыл папку, вынув оттуда единственный лист, на котором мелким подчерком были написаны какие-то номера, данные. Вслед за ними последовала фотография какого-то дома, судя по габаритам, он принадлежал какому-то банкиру или крупному чиновнику. Огромная лужайка перед домом была огорожена стальной оградой, над которой, по всей видимости, трудились не меньше, чем над самим зданием. Довольно необычные фонари возвышались над дорожкой, выложенной из мрамора, по бокам которой была аккуратно рассыпана щебёнка.

– У моего босса, – начал он, – кстати, очень странный тип, со своими червями в голове... У него произошли какие-то разногласия с одним парнем, который владеет одной крупной фирмой. Я так и не понял, то ли он что-то не так сделал, то ли босс сам на него наехал, в общем, мне поручили пробраться к нему в дом. Пока он по срочным делам, которые устроит ему Босс, будет вынужден приехать на работу, мы возьмем в плен его семейку, немного поугрожаем, чтобы они наложили в штаны. Затем позвоним этому засранцу и заставим подписать его контракт. Если не согласится, пригрозим расправой над его семьёй. Никого убивать не нужно, только лишь пригрозить.

– Ты собираешься направлять дуло пистолета на ни в чём не повинных людей, даже не зная причину этого?

– Эй! Послушай! Это не наше дело. Это их проблемы. Наше дело лишь выполнить задание и получить деньги. Или в тебе опять заиграл тот законопослушный человек, трясущийся перед каждой трудностью?

Несмотря на всё, во мне ещё сохранились черты того человека, который, по словам Тома, трясся перед оком закона. Мне нужно побороть в себе это бездушное существо, зародившееся во мне благодаря системе. Ещё пять минут назад я и подумать не мог, что могу засомневаться. Но я должен был всеми силами ухватиться за нить, ведущую на свободу, на свет, прорывающийся сквозь эти ядовитые заросли. Если я сейчас откажусь, то это значит, что во мне победит зомби, которое мне необходимо вытиснуть из своего разума.

– Ну, так и? – уставши ждать ответа, раздраженно спросил Том.

Я поднял взгляд, прикованный к фальшивому столу.

– Я согласен! Да!

– Отлично. А деньги, которые даст мне босс, поделим пополам.

– А как его зовут?

– Кого именно?

– Ну, босса твоего.

– Не знаю, – пожал плечами Том. – Просто Босс и всё.

Странно, человек настолько скрытный, что даже не говорит имени, обычно люди в его положении вручают себе звучные имена, но тут другой случай.

– Где мой кофе?

Официантка явно не торопилась принести заказ до не понравившегося ей посетителя.

– Ну, так же нельзя! Я прихожу сюда, чтобы попить с утра кофе, а в итоге остаюсь без него! – Том был в бешенстве.

Я сидел молча, рассматривая фотографию.

– И это тот самый дом?

– Да, это он и есть. Ты только посмотри, как они живут. По любому, какие-нибудь зазнавшиеся ублюдки, которых кроме денег ничего больше не волнует.

***

Охваченная ржавчиной дверь нехотя отворилась, открывая перед нами длинный темный коридор, уходивший далеко под землю. Её изуродованная временем поверхность, пробираясь вглубь, очерняла её изнутри. Изношенный орнамент дополнял атмосферу этой части города. Ступеньки, ведущие в подвал, были чем-то забрызганы.

– Закрой за собой дверь, – растворяясь во тьме подземелья, прошептал Том.

Дверь закрылась, защитив подвал от попадания в него дневного солнечного света. Опасаясь оступиться, я всматривался в темноту в поисках ступенек, не желавших выглядывать из своего темного укрытия. Где-то вдали было слышно, как Том, осторожно спускаясь, пил свой кофе из пластикового стакана, который он всё-таки раздобыл, проезжая мимо какой-то закуской.

– Ты идёшь? – раздался голос Тома. – Давай быстрее.

– Да-да, иду.

– Ну и темнота у него тут. В прошлый раз было светлее.

– И много раз ты к нему приходил?

– Нет, только два раза. Первый раз я пришел, чтобы купить ствол, потом за патронами заезжал.

– За патронами?

– Да. В перестрелку ввязался. Тогда меня чуть не убили.

Наконец мои глаза уловили вдалеке слабый луч электрического света. Я увидел, как в этот свет прошмыгнул слегка пригнувшийся силуэт Тома.

Наконец, доковыляв до последней ступеньки, я мог, не опасаясь упасть, выпрямиться и спокойно смотреть вперед. Слепящий луч света из электрической лампочки резко ударил по моим глазам, на пару секунд лишив меня зрения.

– Том! – воскликнул я, чтобы понять, куда мне нужно идти.

– Я здесь! – раздался его голос где-то, как мне показалось, в соседней комнате.

Привыкнув к свету, я отправился в поисках его. До меня доносился разговор Тома с продавцом оружия:

– Не, у меня есть. Помните меня? Я уже брал его у вас. Пистолет нужен для моего друга.

– А! Да-да. Ты же от Босса, если я не ошибаюсь.

– Вы куда более чем правы.

Никто не знал имени человека, на которого работают. Видимо, он создал для себя такой имидж, желая походить на криминальных авторитетов из голливудских фильмов. Но и его жизнь подойдет к концу, и образ, который он себе создавал, будет закопан вместе с ним.

Что я делаю? Зачем это? Я хочу убежать от системы. Спрятаться на островах. А какой в этом смысл? Если понять все тонкости её устройства, то можно ей управлять, дергая за ниточки, и никогда не быть за это осужденным. Многие бы со мной не согласились. Мно-

гие бы сказали что-нибудь типа: «По-твоему, необходимо деградировать и уйти в пещеры, ведь именно там человек был бы свободен». Неплохой вариант.

В мире живут шесть миллиардов рабов. Встретить бы хоть одного человека.

Я захожу в комнату, где Том беседовал с невысоким упитанным мужчиной, носившим рубашку от Армани и туфли от какого-то подпольного производителя... В нем сразу чувствовался утонченный вкус, вываливающийся из его перетянутых ремнём брюк, от которого пуговицы на той самой рубахе разошлись и весь его волосатый вкус светился ярче воспаленного нерва.

– А вот и он.

Маленький быстрый взгляд продавца обежал меня всего, считывая с меня какую-то информацию.

– Посмотрим, что для тебя есть...

Он быстро забежал за прилавок, начав что-то искать.

– Как тебе Вальтер? Р99. Калибр: 9 миллиметров. Магазин на шестнадцать патронов. Масса примерно семьсот грамм. Был создан для замены старого полицейского пистолета Вальтер Р88, результат оправдал все ожидания.

Он смотрел на меня своими бегающими глазками, ожидая моей реакции.

– Мне без разницы, главное, чтобы на пистолет было похоже.

– Может, тогда вам отправиться в детский магазин?

– Мы возьмем этот, – вмешался Том. – Попробуй, как в руке лежит.

Я взял пистолет и, немного покрутив его в руках, удовлетворительно махнул головой.

– Да, возьмём этот.

***

От напряжения на выложенную из белоснежного камня дорожку из моего носа пошла кровь. Она струилась так плавно, что я не сразу её заметил. Впереди меня маячил Том, выглядывая из-за углов, он медленно продвигался вдоль дома банкира в поисках заднего входа. Солнце уже зашло за горизонт, и земля стала понемногу остывать. Гробовая тишина нависла над нами, нигде не было слышно ни единого звука, словно все, притаившись, следили за мной.

В моей руке сжат заряженный Вальтер, Том спокойно пробирается впереди меня, в окнах дома часто мелькают лица, мои ноги лихорадочно трясутся, а дыхание сжимается между позвоночником и прижатой к нему грудной клеткой. И чем дальше мы пробираемся во двор, тем тише становится вокруг, а в ушах начинает нарастать сводящий с ума свист. Мысль о том, что что-то может пойти не так как было задумано, пробирается всё глубже и глубже.

– Почти пришли, – раздался шепот Тома.

Он, пригнувшись, зашёл за очередной угол и пропал из виду. Я поспешил его догнать, ускорив шаг, случайно запнувшись за лежащий на дорожке камень, тот отлетел в сторону и на всей скорости ударил прямо по металлической решётке. Громкий стук мгновенно разбежался по округе. Я, затаив дыхание, прижался к стене, надеясь, что меня не заметят, если выглянут посмотреть, что произошло.

– Что ты там творишь?!

– Я... я, – не подобрав слов, я просто смотрел вперед.

– Давай скорей! Чёрт, вроде, не услышали.

Я, как можно сильнее прижавшись к земле, побежал за тот угол, откуда выглядывал Том, дождавшись меня, он прошептал:

– Ещё есть время. Пять минут.

– Пять минут?

– Да, пять минут.

– Пошли, поскорее с этим покончим.

– Стой, – остановил меня Том, схватив за рукав. – Время десять пятьдесят пять. Надо, чтобы всё было чётко по задуманному плану, секунда в секунду. Успеешь ещё пушкой помахать.

Его взгляд был очень убедителен, поэтому мне ничего не оставалось, как сесть рядом с ним и ждать. Он достал из кармана пачку сигарет. Таких я ещё не видел, но одна лишь этикетка давала понять, что по цене они не уступают дорогим кубинским сигарам.

– Будешь?

– Не, я не курю, – помахал головой я.

– Серьезно? А утром от тебя за километр пасло табаком.

– Не, я, правда, не буду.

– Ну, как хочешь.

Закурив, он посмотрел на меня и, на секунду задумавшись, спросил:

– А вот если честно, что с тобой случилось? Я никак в голову не могу взять...

– Я сам не знаю.

Мы оба сидели, уставившись в небо, на дорожке перед задним входом в дом, где должны были приставить ствол к виску ни в чем не виновного человека.

– А я вот собираюсь с этим завязать.

– Правда?

– Да-а. Хочу податься куда-нибудь. Например, на Аляску.

– На Аляску?

– Да. Там снег и горы. Обожаю горы. С детства мечтал туда поехать. И вот, в один прекрасный день, я покончу со всем этим и уеду.

– А что тебе мешает сделать это сейчас?

– Сейчас? Ты шутишь? Я столько дел намутил, что меня просто так не отпустят, – вздохнул Том, отпустивши взгляд гулять куда-то в тёмное небо.

Я уставился в землю, перебирая в голове то, что произошло со мной вчера, стараясь объяснить самому себе истинную причину того звонка и прихода сюда. И чем больше я копался у себя в голове, тем больше понимал, что то, что я делаю, не имеет смысла. Я хотел уехать отсюда, освободиться от оков. Но есть ли в этом смысл? Врать самому себе нет смысла, я понимал, что хочу сделать это ради того, чтобы почувствовать себя свободным, чтобы нарушить все законы, которые нам диктуют. Я хочу стать больше, чем просто человеком. Я хочу почувствовать, как законопослушный человек во мне растворяется в желчи. Я умер на мосту и теперь я труп, а мертвым не страшна смерть.

– Куплю себе небольшой дом на берегу горного озера. И каждое лето я буду смотреть на закат, попивая дорогой коньяк и закуривая элитную сигару, – взгляд Тома был счастливым при одной только мысли о таком будущем.

Луна уже всю освещала молчаливые улицы города, усыпляя его прохладным дуновением ночного ветра, который, несмотря на все волнение, пробирающееся вглубь меня, спокойно расхаживал между домов, давая о себе знать притаившимся в кустах птицам. Скорей всего, это были воробьи, с интересом наблюдающие за нами.

– Уже пора, – посмотрев на часы, произнес человек, мечтающий о безграничных снегах Аляски. – Ты только не тупи, всё нужно сделать быстро и без лишнего шума. Окей?

Я молча утвердительно покачал головой, теребя в руке Вальтер.

– Хорошо. Значит, ты всё понял, что тебе нужно сделать?

– Да, да, да, – ещё больше занервничал я.

– Тогда пошли.

Он, достав из внутреннего кармана небольшой ключ, открыл дверной замок, к которому, видимо, тот был сделан заранее. Слегка отворив дверь, он начал прислушиваться, пытаясь понять, есть ли кто по ту сторону. Не услышав вблизи никаких звуков, мы проникли внутрь.

– Проходи, – прошептал он. – А теперь аккуратно прикрой дверь, чтобы она не заскрипела.

Мрак, в который погрузилась комната, полностью захлестнул её, не позволяя что-либо различить в сплошной чёрной пелене. Постепенно глаза стали привыкать, улавливая слабое отражение лунного света об поверхность предметов, аккуратно рассортированных по большому гостиному помещению. Наконец, я заметил расположившийся напротив заднего входа дверной проём, ведущий в длинный коридор, в дальнем конце которого был виден еле заметный свет.

– Детская на втором этаже. Ты иди на кухню. Она, скорее всего, там. Я скоро к вам присоединюсь, – чуть тише обычного прошептал Том.

Подождав пару секунд, он, всматриваясь в неоскверненный светом пол, направился в коридор, трепетно переступая, через мерещащиеся в темноте препятствия. Его темный силуэт освещался слабым светом, исходящим из кухни, тем самым делая из него призрака, блуждающего по дому, когда его обитатели тихо спят. Повернув в начале коридора, он начал подниматься по лестнице, моментально растворившись за углом.

Я стоял на коленях, прижавшись к спинке мягкого дивана, вцепившись одной рукой в него, а другой изо всей силы сжимая пистолет, отчего кисть стала жутко болеть. Я решительно смотрел на свет, стараясь настроиться на предстоящую игру. Через минуту я должен ворваться в безмятежный мир кухни, где жена этого бизнесмена или банкира сидела за столом, поедая заказанную вечером пиццу с колбасой и ананасом, или просто смотря любимую передачу про то, как шесть человек, в основном женщин, осуждая пришедшего с проблемой героя, выставляют себя на посмешище перед всей страной.

Я посмотрел на пистолет, представляя, как буду направлять его на цель, при этом спокойным и уверенным голосом произносить вгоняющие жертву в отчаяния слова, дающие ей понять, что со мной лучше не спорить, а просто подчиняться всем предоставленным мной требованиям.

– Я смогу, смогу, – пытаюсь убедить самого себя в своих силах, шептал я. – Главное – не паникуй.

Я обеими руками схватился за рукоятку, медленно вставая, но ни на секунду не отводя взгляд от коридора.

Шаг за шагом я потихоньку стал продвигаться вперед, прислушиваясь к звукам, доносившимся до моих ушей. И чем ближе я приближался к кухне, тем громче становились звуки. Свет становился всё ярче, освещая находившиеся вокруг предметы так, что я, наконец, смог разглядеть коридор, по которому шёл. Растянувшиеся по всей напольной поверхности тёмно-коричневые полосы плавно переходили в темные стены, окрашенные во всё тот же коричневый цвет. Мрачные стены украшали развешанные в хаотичном порядке фотографии, заключенные в аккуратные темно-красные рамки, на которых было изображено настоящее счастье, недоступное для простых, живущих в реальном мире, людей. Нескончаемый коридор уходил далеко вперед, заставляя меня снова и снова смотреть на эти снимки, вызывающие у меня яркую ненависть, вновь разъедающую меня изнутри.

Я один против целого мира. Почему именно мне досталась такая судьба? Я должен был отвергнуть своё прошлое, чтобы стать другим, но эти фотографии напомнили мне то, что я предпочёл забыть. Почему я просто не могу умереть? С самого детства смерть преследует меня по пятам. Стоит лишь на секунду дать волю чувствам, и она приближается ко мне настолько, что я начинаю ощущать её дыхание на своей коже. Но как бы близко она не приближалась, что-то отталкивает её назад, но недостаточно далеко. Родившись почти мёртвым, я впервые

познакомился с ней. И каждый раз, вспоминая это, из моих глаз текла слеза, которую я не мог остановить.

Задумавшись о детстве, я и не заметил, как встал на месте, забыв про то, что нахожусь посреди коридора с пистолетом в руках.

– ... хорошо, дорогой, – послышался женский голос из кухни, который вывел меня из ступора. – Да, он уже спит. Приезжай поскорей, я тебя жду.

Я вновь поднял пистолет, направляя его вперед. От страха и напряжения у меня получалось дышать только через слегка приоткрытый рот.

– ... целую.

Меня начало трясти. Дыхание всё больше сжимало, а неуверенность начала растворяться где-то в темноте. Сделав глубокий вдох, я собрал все свои мысли в кучу, выкинув их из головы. Начав постепенно набирать скорость, я приближался к концу моего пути.

– Только пригрозить. Только пригрозить, – шептал я. – Всё закончится быстро.

Вот кухня, ещё секунда – и я буду там.

Я стремительно вошёл в светлое, необычайно большое помещение. Свет ослепил меня на какое-то время, не давая мне ничего рассмотреть. Я был уверен в себе. Но, прозрев, тут же встал, приросши к полу, не в состоянии пошевелиться. Большое светлое помещение оказалось тусклой кухней с большими окнами и маленьким столом, стоящим посередине. У плиты стояла молодая худая женщина в побледневшем изношенном халате. Не заметив моего прихода, она не торопясь готовила что-то в небольшой кастрюле.

Я молча стою, в моих руках заряженный девятимиллиметровый Вальтер на шестнадцать патронов, готовый в любой момент выпустить обойму в цель. Метрах в двух от меня стоит женщина, чья чистота затмевает духовные помыслы Далай-ламы. Мой палец крепко прирос к спусковому крючку. Её волосы аккуратно заплетены, устремившись в пол, но, не достигнув и половины расстояния до него. Я молча смотрю на неё. Она меня не замечает. Мой взгляд то теряется в пустоте, то снова устремляется на неё. Она, видимо, затерялась в своих мыслях, ожидая прихода любимого человека. Я понимаю, что неспособен на то, что так жаждал минуту назад. Она всё также готовит у плиты.

Я облокотился одной рукой о стол, стараясь удержать себя в равновесии, но мои ноги все равно слегка подкосились. Изображение в глазах начало пульсировать, искажая и без того обманчивое восприятие действительности. Очнувшись после секундной потери осознания ситуации, в которой нахожусь, я, к своему ужасу, заметил её потухший, жаждущий конца каких-то только ей известных мучений взгляд, с недоумением и испугом пронзающий меня насквозь. Её безобразно худые руки сжимали старую столовую тряпку. Она тщательно старалась скрыть неприятные чувства, но её лихорадочно трясущиеся губы выдавали рвущийся наружу, пока ещё не осознанный страх.

Затушив разразившийся резкий звук, изданный несчастной в момент встречи её взгляда с моей умерщвлённой сущностью, мрачная тишина вновь охватила сумрачное пространство между нами.

– К... Кто вы? – её голос дрожал, а руки всё сильнее и сильнее сжимали тряпку.

Я, не зная, что сказать, лишь слегка приоткрыл рот. Её взгляд представлял для меня большую угрозу, чем я для неё.

– Прошу вас, что бы мой муж вам ни сделал, не надо... Он хороший человек!

– Я ничего не имею против вашего мужа, – сквозь зубы, наконец, полностью очнувшись, пробормотал я.

На её лице испуг сменился непониманием, но вскоре снова заполонил его.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Я сам не знаю...

Мы снова молча смотрели друг на друга, не осмеливаясь пошевелиться.

Не сказав ей ни слова про то, что нет угрозы её жизни, я бы увеличил шансы на то, что тот человек выполнит наши требования и поставит свою подпись в самой нижней строке договора.

– Доживёте ли вы до завтра – зависит только от вашего мужа, – твердо сказал я, но только через секунду после произнесения этих слов, понял, что перестарался.

Кожа на её лице побледнела, придавая ей мертвый синеватый оттенок.

– Не волнуйтесь! У меня нет никакого желания убивать вас, – произнес я, стараясь её успокоить, но эти слова, по всей видимости, не помогли.

– Вы же сказали, что он ни при чём, – её шёпот был полон отчаяния.

– Я так не говорил. Я сказал, что ничего не имею против него. Но не все разделяют мою позицию.

Она ведь частичка той системы, она не заслуживает ни сожаления, ни помилования.

– Можно мне чай! – вдруг, не придумав ничего другого, спросил я.

Не сразу поняв, что я сказал, она положила тряпку на стол, повернувшись к шкафчику с целью достать кружку. Я сел за барную стойку, стоящую недалеко от меня, на которой лежала толстая книга «Скрытая психология. Или как быстро вылечить пациента», положив пистолет на стол, но, не убрав с него руку. Мой взгляд наблюдал за её действиями, не выпуская её с поля зрения.

– Вы как пьёте чай?

– А? – переспросил я, несмотря на то, что понял её слова.

– Вам какой чай? Черный? Есть ещё зеленый.

– А... Черный.

Она меня боялась, но старалась этого не показывать, из-за чего её страх был ещё более заметен.

– Можно ещё сахар?

– Да, конечно. Вам сколько ложек?

– Две.

Из коридора послышался какой-то шум, сопровождаемый сложным для восприятия мужским голосом. Но, несмотря на его неразборчивость и злую гнусавость, в нём можно было разобрать отдельные недовольные выражения, вырывающиеся, как пулёметная очередь из раскаленного ствола. То затухающие, то вновь разносящиеся по дому удары обо что-то металлическое давали понять, что их источник не желал поддаваться безрезультатному натиску Тома.

– Что это? – ещё сильнее заволновалась заложница.

– Это? Не обращайтесь внимания. Скоро он к нам присоединится.

– Вот ваш чай.

– М... Спасибо.

Взяв только что поставленную передо мной кружку, я в ужасе замер. Вполне возможно, что мой растерянный мозг был обманут, и то, что неожиданно попало в моё поле зрения было лишь злой шуткой неравномерно скопившегося подкожного жира на животе отошедшей от меня на пару шагов женщины. Но на фоне остальных истощенных частей её тела этот небольшой бугорок казался именно тем, что могло оказаться причиной провала моей части этой миссии.

Заметив мой взгляд, прикованный к её животу, она отвернулась к раковине, где забытый кран заполнял водой переполненную посуду.

– Какой месяц? – надеясь услышать опровержение своих догадок, неуверенно спросил я.

Вдруг я снова уловил её умоляющий взгляд, проникающий вглубь меня, дающий понять правоту моих наблюдений. Теперь я понял, что её страх не был страхом за свою жизнь, она боялась за жизнь другого человека внутри неё.

Я, поставив чашку на стол, не отпив из неё, выложил из кармана пачку сигарет, которая была вручена мне на том самом проклятом мосту.

– Вы не против, если я закурю?

– А вот и мы, – раздался за моей спиной голос Тома.

Он небрежно кинул передо мной черную папку, недовольно что-то бормоча.

– Мама... – послышался сонный детский шёпот.

– Иди ко мне. Не волнуйся! Всё будет хорошо.

Маленький человек, зашедший на кухню, побрёл к женщине, сильно наклонившись вперед, словно у него болел живот.

– Представь, в стене это замуровал. Еле вытащил, – недовольно пожаловался мне Том. – Так, ладно. Вы двое садитесь за стол. Только без глупостей.

Я, встав в углу кухни, закурил сигарету, положив пачку вместе с зажигалкой на стол. На зажигалке снова мелькнула какая-то надпись, вырезанная её прошлым владельцем.

– Эй! Ты же, вроде, не куришь! – возмутился человек, стоявший в другом конце кухни с пистолетом в руке.

– Я-я... Да, это так, просто, чтобы расслабиться.

– Как скажешь. Ты будешь кофе?

Я отрицательно помотал головой.

– А я буду. Обожаю кофе. Вы знаете, как этот прекрасный напиток был впервые открыт? Нет? Я вот до сих пор поражаюсь. В девятом веке дикие кофейные деревья росли только в Эфиопии. В то время один пастух, чьи козы паслись в местах произрастания этих деревьев, однажды заметил, что те его подопечные, которые объедали деревья с кофе, отличались были слишком бобр. Они намного отличались своей резвостью от тех, которые питались другой травой. Он рассказал об этом местным монахам, с которых и началось мировое кофейное завоевание.

– Seriously? – стараясь интонацией указать на то, что мне все равно, произнес я.

– И, между прочим, кофе полезно для глаз! Ты бы попил его, он способствует выработке слёз, а значит, синдром «сухого глаза» не страшен, и ты можешь смотреть телевизор сколько хочешь.

– У меня нет телевизора.

– Да как же можно без телевизора жить?

Я в ответ только пожал плечами.

Том, заварив растворимый кофе, растягивал каждый глоток, пытаясь тем самым убедить меня вместе с ним испить этот химически произведенный кофейный напиток, который, казалось, для него был пиком вкуса и аромата.

Мы все находились в одной кухонной комнате, одни были преисполнены страхом, жаждой жить, другие стояли над ними, направляя свои пистолеты прямо им в сердце. С каждой секундой свет становился всё тусклее, а глаза пришедших в чужой дом всё чернее. Моё тело вытесняло последние останки умершей на мосту души, оставляя лишь бесконечную пустоту, поглощающую в себя всё остальное.

Я снова взял свой стакан, делая небольшие глотки, чтобы не обжечься горячим, как адское пламя, в котором мне уже уготовлено место, чаем. Том же наслаждался лживым напитком, не зная вкуса настоящего кофе, выращенного на благословленных солнцем землях Бразилии или Кубы. Он не придавал этому никакого значения. Но, несмотря на это, Том был единственным человеком, на которого я мог положиться. Мы с ним выросли вместе. Он меня всегда защищал, даже тогда, когда я этого не заслуживал.

– Я думаю, что пора звонить, – перебил унесшие всех мысли Том.

– Пора...

Он, достав свой телефон, начал вводить номер того человека.

Желая остаться наедине хоть на пару секунд, я отвернулся к стене, сопровождая свои манипуляции в пространстве быстрым оббегающим предметом взглядом. На полке рядом

со мной стояли книги по психологии, а возле них небольшая упаковка с лекарством, название которой сразу привлекло моё внимание.

– Скополамин? – удивленно произнёс я, взяв упаковку в руки. – Насколько я знаю, это опасный наркотик, зачем он вам? Вы что открыли ферму зомби?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.